

Комаровские чтения. Вып. XXIX. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1982. 55 с.

Содержатся результаты исследований по актуальным проблемам ботаники. Приводятся данные географического и цено-тического анализа флоры дубовых лесов Южного Сихотэ-Алиня и выводы о некоторых аспектах генезиса дубравной флоры, приуроченности ее элементов к определенным группам ассоциаций. На основании новых данных об одном из наиболее загадочных девонских растений — орестовии — рассматриваются традиционные представления о предках высших растений. По палинологическим материалам с привлечением данных современной ботанической географии Сибири и Дальнего Востока дается реконструкция растительного покрова Чукотки во время казанцевского потепления (верхний плейстоцен).

Сборник рассчитан на ботаников, палеоботаников и палео-географов.

Издано по решению Редакционно-издательского совета
Дальневосточного научного центра АН СССР

Ответственный редактор канд. биол. наук. А. Г. Крылов

АНАЛИЗ ФЛОРЫ СОСУДИСТЫХ РАСТЕНИЙ ДУБОВЫХ ЛЕСОВ ЮЖНОГО СИХОТЭ-АЛИНЯ

В. П. Верхолат, А. Г. Крылов

*Дальневосточный государственный университет,
Биолого-почвенный институт ДВНЦ АН СССР, Владивосток*

В обширной ботанико-географической литературе по Приамурью и Приморью разносторонне освещены динамические связи дубняков с широколиственно-хвойными лесами; дубняки рассматриваются в основном в качестве производной формации [Комаров, 1953а—в; Васильев, 1937; Куренцова, 1939, 1973; Попов, 1961]. Закономерности распространения дубняков, их самообитность и эколого-фитоценологические особенности также получили отражение в трудах ряда исследователей дальневосточных лесов [Сочава, 1945; Ливеровский, Колесников, 1949; Дылис, 1953; Куренцова, 1955; Смагин, 1955; Ильинская, Брысова, 1965; Жудова, 1967], которые считают дубняки коренной формацией, играющей различную роль в зависимости от физико-географических условий разных районов и характера антропогенных воздействий на лесные ландшафты.

Несмотря на большое внимание к дубовой формации в литературе и многолетнюю дискуссию о ее происхождении, флора дубняков специально не анализировалась. Приводились лишь списки фитоценозов или делались указания на некоторые сопутствующие монгольскому дубу растения. Обширные сведения о флористических особенностях дубняков содержатся в «Определителе растений дальневосточного края» [Комаров, Клобукова-Алисова, 1931, 1932], в «Определителе растений Приморья и Приамурья [1966] и во «Флоре СССР» [1933—1960].

Цель настоящей работы — исследование флоры дубняков Южного Сихотэ-Алиня, ее географический анализ, выявление особенностей состава внутрiformационных единиц (групп ассоциаций) и сопоставление флоры дубняков с флорой других лесных и нелесных категорий растительности. Такой анализ может иметь значение для оценки генезиса дубняков и выяснения их эколого-фитоценологических особенностей.

Район работ ограничивается на северо-западе и севере верхней частью бассейна р. Уссури, а на северо-востоке — бух. Ольги. Полевые исследования проводились в течение 1971—1973 гг. Для составления общего списка флоры дубняков использовано более 130 геоботанических описаний.

Географический анализ флоры

Данные о распространении интересующих нас растений взяты из «Флоры СССР» [1933—1960], «Флоры Западной Сибири» [1927—1964], материалов по ряду региональных флор [Ворошилов, 1966; Грубов, 1963; Егорова, 1967; Сергиевская, 1966—1969; Цвелев, 1968] и работ по систематике дальневосточных растений.

Сопоставляя флору дубняков с флорой районов Дальнего Востока и других районов Голарктики, можно отметить уменьшение количества общих видов к северу, значительную общность флоры дубняков с флорой северных районов Китая, Японии и Корейского полуострова, а также южной части Восточной Сибири.

Район	Количество видов флоры дубняков
Камчатка	79
Охотский	89
Сахалин	168
Курильские острова	122
Удской	229
Зее-Бурейский	286
Уссурийский	350
Северо-Восточный Китай	251
Япония	204
Корейский полуостров	158
Восточная Сибирь	156
Монголия	85
Западная Сибирь	76
Европейская часть СССР	58
Средняя Европа	40
Скандинавский полуостров	29
Средняя Азия	38
Кавказ	35
Балканский полуостров и Малая Азия	25
Средиземноморье	18
Атлантическая Европа	25
Арктика	20
Северная Америка	42
Гималаи	15

Флористическая общность снижается по направлению к атлантическим районам Европы и к Средиземноморью. Насчитывается общих с растениями Северной Америки 42 вида, Гималаев — 15, заходят в Арктику 20 видов.

Распределяя флору по географическим элементам, мы учитывали тяготение ареалов видов к бореальному поясу, к районам Сибири, Дальнего Востока либо к северным районам Китая и Японии. Это позволило наметить основные типы геоэлементов. В собственно геоэлементах (см. приложение) учитывались флористические связи районов, значительно отличающихся по количественному соотношению элементов разных типов. В наименованиях геоэлементов на последнем месте в большинстве случаев дано указание на основную часть ареала данных видов. Такой путь типизации ареалов применяется широко, но далеко не всеми флористами. По сопредельным районам аналогично анализировалась флора степей Китая [Лавренко, 1970].

Плюрирегиональный тип. Один из представителей — сорное растение, другой — растение светлых лесов и лесных лугов умеренных поясов Земли; играет заметную роль в травяном покрове некоторых ассоциаций дубняков.

Голарктический тип. Составляющие виды не имеют заметных общих эколого-ценотических особенностей. Наряду с лесными (5 экологически разнообразных видов) элемент включает лугово-боровые, луговые и скальные растения.

Бореальный тип. К данному типу отнесено 9 геоэлементов. Из 19 видов только 5 (*Trientalis europaea*, *Rhodococcum vitis-idaea*, *Oxalis acetosella*, *Viola selkirkii*, *Orthilia secunda*) являются таежными растениями. Прочие виды — растения либо светлых лесов, либо лугов умеренного пояса. Обращает на себя внимание проникновение значительного числа бореально-луговых растений в горы Средней Азии.

Дизъюнктивный тип. Выделяемые 5 элементов указывают на прежние связи неморальных флор Европы и Азии, а отчасти и Северной Америки.

Евразийский тип. Включает 3 геоэлемента. По экологической пестроте растений с евразийским ареалом данные геоэлементы можно сопоставить с бореальными и голарктическими.

Сибирский тип. Включает 4 геоэлемента. Сюда отнесены лесные сибирские растения, ареалы которых в той или иной степени захватывают Дальний Восток. Следует отметить проникновение 2 видов на юг, до гор Средней Азии и Гималаев.

Дальневосточный тип. К данному типу отнесены 10 геоэлементов, включающих 41 вид, отличительной чертой распространения которых является довольно полная представленность в большинстве районов Дальнего Востока. Широкое распространение этих растений на Камчатке и в Охотии указывает на наличие в дальневосточной флоре своеобразных бореальных элементов (таежные растения, представители светлых лесов, луговые и лугово-болотные растения). Многие из них встречаются также в Сибири, достигая иногда гор Средней Азии (*Aegopodium alpestre*). Своеобразен североамериканско-дальневосточный элемент, включающий довольно архаичные папоротники

(*Adiantum pedatum*, *Osmunda cinnamomea*, *Polypodium virginianum*).

Условно к данному типу геоэлемента отнесены среднеазиатско-южнодальневосточный и монгольско-восточноазиатский виды (*Muhlenbergia huegelii*, *Paraixeris denticulata*). Первый проникает по горам Азии до Гималаев; второй приводится для Юго-Восточной Азии.

Маньчжурский тип. Включает 16 геоэлементов. Маньчжурские растения — наиболее обширная группа во флоре дубняков Южного Сихотэ-Алиня. Выделяемые геоэлементы отражают распространение маньчжурских растений в сопредельных районах. С флорой Японии маньчжурскую флору связывают 132 вида, с даурской — 68, с флорой Охотии — 10 видов. Некоторые широко распространенные в маньчжурской флористической области растения встречаются также в Сибири (7 видов), Северной Америке (3 вида), Центральной Азии (3 вида) и в Гималаях (2 вида). Маньчжурские виды — это преимущественно растения хвойно-широколиственных лесов, но есть среди них дубравные и луговые формы. Наряду с самобытными растениями Восточной Азии встречаются виды, слабо обособленные от их европейских и сибирских сородичей (*Spiraea ussuriensis*, *Betula platyphylla*, *Lathyrus komarovi*), что свидетельствует о различных путях становления маньчжурской флоры.

Анализ геоэлементов флоры дубняков Южного Сихотэ-Алиня показывает исключительное значение в ее формировании маньчжурских растений, которые составляют 70% всего видового состава. Большинство из них являются прямыми потомками древнего восточно-азиатского неморального флористического комплекса. Можно отметить также следы связей с флорами неморальных флор Европы, Азии и Северной Америки, о чем свидетельствуют растения широколиственных лесов с дизъюнктивными ареалами (*Osmorhiza aristata*, *Asperula odorata*, *Phryma leptostachya*, *Athyrium ruscinosorum*), хотя для флоры дубняков это немногочисленные и довольно чуждые элементы. Распространена маньчжурская (в том числе и дубравная) флора на юге Восточной Сибири, севере Центральной Азии, а также в Японии.

Существенным компонентом во флоре дубняков являются в широком смысле бореальные растения. Их насчитывается 89 видов (собственно бореальные геоэлементы, большинство голарктических, сибирских, часть евразийских и дальневосточных видов). Маньчжурская флора, имея в своем составе неморальные, дубравные, луговые и умеренные растения, обладает всеми необходимыми ценоотическими элементами для формирования сложного, занимающего все элементы ландшафта растительного покрова. Поэтому существование многочисленных бореальных лесных и луговых растений в составе дубняков Южного Сихотэ-Алиня вряд ли можно рассматривать как результат случайного проникновения и расселения по маньчжурской флористичес-

кой области чуждых пришельцев. Некоторые лесные растения вполне обычны как в бореальных травяных лесах, так и в дубравах (*Pteridium aquilinum*, *Cypridium guttatum*, *Vicia cracca*, *Melica nutans*, *Viola collina*, *Lathyrus humilis*, *Trifolium lupinaster*, *Paris hexaphylla*, *Lamium barbatum*). Они могли быть поглощены дубравной флорой в более теплые фазы антропогена при расширении ареала дубняков за счет бореальных лесов. Но возможно, что они являются остатками бореальной флоры, теснившей маньчжурские элементы в периоды похолодания. В пользу последнего предположения свидетельствуют другие бореальные растения, участие которых в современных дубовых лесах носит случайный характер (*Hieracium umbellatum*, *Festuca supina*, *Rosa acicularis*, *Trisetum sibiricum*, *Luzula pallescens*, *Cerastium pauciflorum*, *Carex falcata*, *C. vanheurckii*, *Aegopodium alpestre*).

Большое разнообразие ареалов бореальных растений, довольно четкое выделение наряду с панбореальными сибирскими и дальневосточными элементами во флоре дубняков позволяют предполагать, что флора дубрав Южного Сихотэ-Алиня сохраняет следы неоднократных вторжений различных бореальных элементов на территорию уссурийского флористического района.

Ценоотический анализ флоры дубняков

Для проведения ценоотического анализа флоры мы воспользовались указаниями на приуроченность видов к той или иной формации растительности [Определитель растений..., 1966], в затруднительных случаях обращались к другим упомянутым источникам, а также учитывали результаты наших исследований и сведения об ареалах интересующих нас видов.

Вся флора разделена на следующие типы ценоэлементов: неморальный, бореально-лесной, дубравный, луговой, таежный, умеренный, боровой, скальный и зарослевый. В основном эти типы связываются с крупными эколого-фитоценологическими единицами растительности, не имеющими строгого таксономического значения, но четко различимыми с точки зрения ботанико-географической и экологической. Каждый из них имеет своеобразное флористическое ядро, состоящее из ряда ценоэлементов, указывающих на географические или эколого-ценогенетические связи с конкретными лесными формациями. Выделение ценоэлементов возможно после статистически достоверного сопоставления состава многих участков фитоценозов всех интересующих формаций. Такими материалами мы не располагаем и ограничиваемся выделением типов и подтипов (обычно переходных) ценоэлементов.

Неморальный тип включает мезофильную и мезо- и микромезотермную теневыносливую флору, свойственную смешанным широколиственным и хвойно-широколиственным лесам. Типичные деревья — многочисленные широколиственные породы,

согосподствующие или просто участвующие в древостоях долинных ильмово-ясеневых лесов Приморья. К неморальному комплексу относятся теневыносливые лиственные деревья второго и третьего древесных ярусов этих лесов, а также некоторые хвойные породы (*Pinus koraiensis*, *Abies holophylla*). Кедр корейский, однако, не чужд и таежным ценозам, поэтому его вместе со спутниками относят к таежно-неморальному подтипу.

Характерны мезофильные лесные кустарники (жимолости, бересклеты, чубушники и т. д.), лианы, некоторые папоротники (*Dryopteris buschiana*, *D. wladivostokensis*, *Athyrium rufosorum*, *A. rubripes*, *Adiantum pedatum*, *Polystichum braunii*), осоки (*Carex campylorhina*, *C. siderosticta*) и широколистный — мезофильные теневыносливые травы (*Osmorhiza aristata*, *Cardamine leucantha*, *Asarum sieboldii*, *Thalictrum filamentosum*, *Saussurea subtriangulata*, *Lilium distichum*).

Неморальная флора наиболее характерна для дубняков явно производного характера, пришедших на смену хвойно-широколиственным и широколиственным мезофильным лесам.

Бореально-лесной тип. Это флора более микротермных, а также мезофильных лесов, развивающихся на довольно богатых почвах, образованных обычно светолюбивыми древесными породами (*Larix sibirica*, *L. gmelinii*, *Pinus sylvestris*, *Betula platyphylla*, *Populus davidiana*), под пологом которых обычно развит подлесок и травяной покров. Самобытность флоры светлых травяных лесов Сибири неоднократно привлекала внимание исследователей в связи с обсуждением четвертичной истории ландшафтов Северной Евразии [Крашенинников, 1937, 1939; Клеопов, 1941]. Установлены особенности флоры сосновых, березовых и лиственничных травяных лесов Западной Сибири [Крылов, Речан, 1967].

Наряду с собственно бореально-лесными видами данный тип включает лугово-лесную флору, что позволяет связать происхождение бореально-лесных трав и кустарников не только с осветлением лесов в условиях плейстоценовой лесостепи, но в большей степени с поглощением плейстоценовыми лесными формациями мезофитных и ксеромезофитных лугов.

Растения данного типа ценоэлемента широко представлены в дубовых лесах (*Carex reventata*, *C. pallida*, *Vicia unijuga*, *Lathyrus humilis*, *Melica nutans*, *Solidago decurrens* и др.), они легко отличимы от собственно дубравных спутников распространением также в Южной, Средней и Восточной Сибири и на Дальнем Востоке вплоть до Камчатки. Несколько условно к данному типу отнесены виды папоротников, имеющие широкие ареалы вне бореально-лесной области, но в Сибири и на Дальнем Востоке по участию в растительном покрове подобные бореально-лесным травам и кустарникам (*Pteridium aquilinum*, *Matteuccia struthiopteris*, *Osmunda cinnamomea*).

К бореально-лесным видам мы причисляем и эндемики юга

Дальнего Востока, представляющие собой лишь географические расы европейско-сибирских и сибирских лесных видов (*Lathyrus komarovii*, *Spiraea ussuriensis*), формационные связи которых в Сихотэ-Алине носят случайный характер, чем подчеркивается их чуждость господствующим дубравным, неморальным и таежным лесам.

Дубравный тип объединяет самобытное ядро флоры дубняков и ряд лугово-дубравных видов. Все они характеризуются микромезотермностью, мезомегатрофностью, ксеромезофильностью и относительным светолюбием. По последним двум показателям дубравная флора существенно отличается от собственно неморальной. Дендрофлора дубняков в большинстве случаев представлена двумя древесными видами (*Quercus mongolica* и *Betula davurica*) и двумя видами кустарников (*Corylus heterophylla* и *Lespedeza bicolor*).

Травы — спутники дуба монгольского — довольно многочисленны и представлены высоким разнотравьем (*Bupleurum longiradiatum*, *Doellingeria scabra*, *Dictamnus dasycarpus*, *Lathyrus davidii*, *Synurus deltoides*, *Cimicifuga dahurica*) и типичным разнотравьем (*Artemisia stolonifera*, *A. keiskeana*, *Asperula platygalium*, *Atractylodes ovata*, *Adenophora pereskiiifolia*, *Vincetoxicum acuminatum*, *Viola collina*, *Circaea cordata*, *Lysimachia clethroides*). Все перечисленные виды по жизненной форме и экологическим особенностям близки к луговому разнотравью и нередко могут встретиться в составе травостоя лугов по опушкам лесов или даже на открытых склонах. Это свидетельствует о генетической связи ряда представителей дубравных ценоэлементов с луговой флорой.

Для флоры дубняков характерны габитуально широколиственные, т. е. напоминающие теневые травы широколиственных лесов, но эколого-ценотически дубравные виды (*Convallaria keiskei*, *Jeffersonia dubia*, *Chloranthus japonicus*, *Polygonatum involucreatum*). Их можно встретить и в неморальных ценозах, и в дубняках, и на опушках леса.

Луговой тип. Луговые травы обнаруживаются в большинстве ассоциаций дубняков. Тип может быть подразделен на четыре подтипа: луговой, лугово-луговой, сухолуговой и болотно-луговой. Собственно луговые растения в дубняках составляют незначительную, но разнообразную по составу примесь в травостое (*Sanguisorba officinalis*, *Lilium pensylvanicum*, *Cimicifuga simplex*, *Lychnis fulgens*, *Paeonia lactiflora*, *Lycopus lucidus*, *Veronica sibirica*, *Galium verum* и многие др.).

Лесо-луговые растения, в отличие от собственно луговых, имея оптимум также на среднеувлажненных лугах, неплохо развиваются в лесу. Во флоре дубняков их насчитывается 14 видов (*Veratrum ussuriense*, *Anthriscus sylvestris*, *Trisetum sibiricum*, *Achnatherum effusum*, *Equisetum pratense*, *Geranium wlassovianum* и др.).

Представители сухолугового подтипа не менее разнообразны и составляют ядро флоры суходольных лугов, развивающихся на плакорах в периодически засушливых районах или на инсолированных склонах со скелетными почвами (*Spodiopogon sibiricus*, *Carex hypochlora*, *Allium strictum*, *Dianthus amurensis*, *Silene repens*, *Fragaria orientalis*, *Pseudolysimachion dahurica*, *Syneilesis aconitifolia*, *Artemisia gmelinii* и др.). В дубовых лесах элементы сухих (остепненных) лугов встречаются по прогалинам или в качестве примеси в травяном ярусе дубняков на сухих почвах.

Болотно-луговые растения для дубняков обычно не характерны, и участие их во флоре формации носит локальный или случайный характер.

Другие типы ценоэлементов мы не рассматриваем, так как их представители не являются постоянными и типичными компонентами флоры дубняков. В различных ассоциациях и во флоре формации в целом суммарное участие таежной, боровой, умерной, скальной и сорной флоры составляет от 5 до 11%.

В таблице приведены данные о распределении флоры дубняков по типам и подтипам ценоэлементов. Для всех дубовых лесов Сихотэ-Алиня характерно участие неморальных ценоэлементов (всего 122 вида), что объясняется развитием дубняков в поясе широколиственно-хвойных лесов. Особенно существенную роль играет неморальная флора в дубняках широколиственных, которые в большинстве случаев можно рассматривать в качестве производных от кедровников и чернопихтарников. В дубняках осочково-разнотравных (свежих) и сухих рододендрово-леспедецевых наблюдается закономерное падение участия неморальных видов.

Так же высоко участие в дубняках бореально-лесной флоры: в разных группах ассоциаций насчитывается свыше 20 видов и в дубняках в целом — 64 вида. При переходе от влажных дубняков к сухим увеличивается доля дубравных видов и несколько повышается участие луговых растений. Общее число луговых видов, встреченных в разреженных дубняках, достигает 67. В сухих местообитаниях встречаются преимущественно боровые элементы, а таежные, напротив, локализуются во влажных дубняках.

Чтобы получить более полное представление о роли тех или иных элементов в дубняках, отметим виды, склонные к доминированию, и коснемся синузидального сложения фитоценозов. На достаточно увлажненных почвах структура подчиненных синузид дубовых лесов практически не отличается от структуры подлеска и травяного яруса хвойно-широколиственных лесов: имеется хорошо выраженный подчиненный древесный ярус из граба (*Carpinus cordata*) или кленов (*Acer pseudosieboldianum*, *A. mono*), обычно хорошо развит подлесок с участием *Corylus mandshurica*, *Philadelphus tenuifolius* и других неморальных ме-

зофильных кустарников. Травяной ярус представляет собой разреженную синузид сложного состава из папоротников, широколиственных и длиннокорневищных осок. Такие леса отличаются от коренных кедрово-широколиственных эдификаторной синузид с преобладанием дуба и спорадическим участием некоторых дубравных трав.

В дубняках осочково-разнотравных (свежих) структура древостоя проще — менее значительна примесь крупных широколиственных деревьев и слабо развит ярус кленов. Подлесок, если он развивается, представлен куртинами лещины разнолистной или лещины маньчжурской, реже леспедецы двухцветковой. В сомкнутом травяном покрове согосподствуют разнотравье и рыхлодерновинные осочки (*Carex reventa*, *C. lanceolata*, *C. subbracteata*), а длиннокорневищные осоки и широколиственные встречаются в незначительном количестве. Таким образом, ведущую роль в образовании структуры фитоценозов играют дубравные и бореально-лесные виды.

Ценоотический состав флоры дубняков

Тип и подтип цено-элементов	Дубняки в целом	Дубняки по группам ассоциаций		
		широколиственные	осочково-разнотравные	рододендрово-леспедецевые
Неморальный				
Неморальный	91/26,3	59/39,3	42/30	19/19
Таежно-неморальный	30/8,7	25/16,7	12/8,6	10/10
Умерно-неморальный	1/0,3	2/1,3	1/0,7	—
Итого	122/35,3	86/57,3	55/39,3	29/29
Бореально-лесной				
Лесной	47/13,6	22/14,7	22/15,7	13/13
Лугово-лесной	17/4,9	6/4,0	7/5,0	8/8
Итого	64/18,5	28/18,7	29/20,7	21/21
Дубравный				
Дубравный	41/11,9	17/11,4	27/19,3	26/26
Неморально-дубравный	5/2,45	2/1,3	3/2,1	2/2
Лугово-дубравный	5/1,45	—	2/1,4	3/3
Умерно-дубравный	3/0,9	2/1,3	2/1,4	—
Итого	54/15,7	21/14,0	34/24,3	31/31
Луговой				
Луговой	32/9,3	1/0,7	5/3,6	3/3
Лесо-луговой	14/4,1	3/2,0	5/3,6	5/5
Сухолуговой	15/4,3	1/0,7	4/2,9	4/4
Умерно- и неморально-луговой	3/0,9	—	—	—
Итого	67/19,5	5/3,3	14/10,0	12/12
Прочие	38/11	10/6,7	8/5,7	7/7

Примечание. В числителе — число видов, в знаменателе — %.

В сухих дубняках неморальные элементы встречаются обычно в ничтожном количестве. Из дубравных видов леспедеца часто очень обильна, но с пониженной жизнестойкостью. Для сухих местообитаний характерны обилие таких дубравных трав, как *Melampyrum roseum*, и постоянное присутствие в небольшом числе многих других дубравных видов.

Среди доминант подлеска и травяного яруса можно отметить боровой *Rhododendron mucronulatum*, бореально-лесную ксеромезофильную осочку — *Carex vanheurckii* — и типчак — *Festuca pseudosulcata*.

Сопоставление состава и структуры фитоценозов дубрав Южного Сихотэ-Алиня и среднерусских дубрав [Нешатаев, Плавников, 1974] показало их эколого-физиономическое сходство и доминирование в древостое ксеромезофильных относительно светолюбивых видов дуба. Флористическое сходство сопутствующих дубравных и бореально-лесных растений ничтожно. Оно исчерпывается общим видом *Pteridium aquilinum*, парой систематически близких дубравных видов (*Convallaria majalis* — *C. keiskei*) и бореально-лесными осочками (*Carex rhizina* — *C. reventata*). Вследствие присутствия в дубравах видов неморального происхождения флористическая общность между среднерусскими и дальневосточными дубравами более значительна. Можно отметить общий с дизъюнктивным ареалом вид — *Asperula odorata* — и викарирующие виды: *Carex pilosa* — *C. campylorhina*, *Tilia cordata* — *T. amurensis*, *Euonymus verrucosa* — *E. pauciflora*, *Corylus avellana* — *C. manshurica*, что свидетельствует в пользу флористического родства европейского и восточноазиатского неморальных комплексов, но не дает права говорить о прямой генетической связи европейских и дальневосточных дубрав. Аналогично флоре среднерусских дубрав флора дубрав Сихотэ-Алиня включает много бореальных видов, из которых некоторые (*Carex reventa*, *Vicia unijuga*, *Pteridium aquilinum*, *Lathyrus humilis*) играют заметную фитоценотическую роль.

Интерес, с ботанико-географической точки зрения, представляет географо-генетический обзор некоторых постоянных спутников монгольского дуба. Дубняки обычно рассматриваются как одна из мезофильных неморальных формаций либо как ксеромезофильный дериват неморального комплекса. Действительно, во флоре дубняков Южного Сихотэ-Алиня преобладают виды широколиственных и хвойно-широколиственных лесов, что объясняется современными условиями: климат и окружающая зональная растительность способствуют насыщению всей растительности нижнего пояса гор неморальными элементами. В собственно дубравной флоре также встречается ряд представителей, неморальное происхождение которых подтверждается их систематическими связями и жизненными формами, напоминающими растения широколиственных лесов. К этой группе можно отнести из деревьев *Quercus mongolica* и *Betula davurica*, из

кустарников *Corylus heterophylla*, из трав *Convallaria keiskei*, *Polygonatum involucreatum*, *Jeffersonia dubia* и, возможно, *Chloranthus japonicus*. Эти элементы дубравной флоры отличаются от настоящих неморальных растений светолюбием и способностью произрастать не только на влажных, но преимущественно на свежих местообитаниях. Четкая систематическая обособленность данных видов среди дальневосточной флоры свидетельствует о древности их отделения от неморальных предков.

В свите дуба монгольского своеобразную группу составляют растения разнотравно-лугового облика, но имеющие крупные размеры при ксеромезофильной специализации (*Vupleurum longiradiatum*, *Dictamnus dasycarpus*, *Lathyrus davidii*, *Synurus deltoides*, *Doellingeria scabra*).

Vupleurum longiradiatum — лугово-дубравное растение с даурско-японско-маньчжурским ареалом. Вместе с *Vupleurum sachalinense* F. Schmidt (эндемичное сахалинское луговое растение) и двумя западнокавказскими эндемиками относится к подсекции *Archaeopleurum* Lincz., в которую И. А. Линчевский [1950] включает растения, принадлежащие к комплексу видов, исходному для других групп видов рода *Vupleurum*.

Dictamnus dasycarpus — даурско-маньчжурский дубравно-лесостепной вид. В Средней Азии и Южной Европе он замещается близкими лугово-степными видами. *Dictamnus dasycarpus* в дубняках отчетливо связан с центральной осочково-разнотравной группой ассоциаций.

Lathyrus davidii — японско-маньчжурское лугово-дубравное растение. Относится к секции *Orobastrum* Boiss., в которой очень отчетливо отличается от всех прочих видов.

Synurus deltoides — даурско-японско-маньчжурский лугово-дубравный вид. Единственный представитель рода.

Doellingeria scabra — японско-маньчжурский дубравный вид. Единственный представитель рода.

К этой группе видов примыкает *Angelica amurensis* — японско-маньчжурское дубравно-луговое растение; вместе с дальневосточными эндемиками *A. sachalinensis* Maxim. и *A. jaluana* Nakai эта группа выделяется в секцию *Anisopleura* Maxim., что также указывает на самобытность дальневосточной луговой флоры, с которой длительное время была связана дубравная флора.

В рассмотренной группе видов мы обнаруживаем чрезвычайно примечательный элемент дубравной флоры — прибежища не только эндемичных видов, но и эндемичных родов или четко обособленных архаичных секций. По ареалу это либо древние эндемики Дальнего Востока, широко распространенные еще до отделения от материка Японских островов, либо потомки евразийских растений с даурско-маньчжурским ареалом, отделенным от ареалов их среднеазиатских и южноевропейских сородичей. Своим габитусом они никак не напоминают неморальные растения. Их жизненная форма и экологические особенности

(некоторая устойчивость к засухе и требовательность к теплу) говорят, скорее, об их лесостепном происхождении.

Своеобразие сухих лугов юга Дальнего Востока подчеркивают также архаичные восточноазиатские злаки: *Spodiopogon sibiricus*, *Arundinella hirta* (Thunb.) Tanaka, *Miscanthus purpurascens* Anderss. Эколого-физиономические особенности обширных лугов Приамурья, суходольных разнотравно-арундинелловых лугов приханкайских районов Приморья и серийных разнотравно-мискантусовых лугов южного Приморья неоднократно приводили исследователей к сопоставлению травяной растительности юга Дальнего Востока и прерий Северной Америки [Коржинский, 1892; Ярошенко, 1955]. Однако в умеренном поясе Старого Света мы не встречаем коренного лесостепного ландшафта со злаково-высокоразнотравными лугами, подобного высокоотравной прерии Северной Америки. Четвертичная история ландшафтов и современная физико-географическая обстановка не способствовали формированию в Европе и Азии подобных лесолуговых (лесостепных) комплексов. Тем не менее наличие в современной флоре таких своеобразных элементов, как высокое ксеромезофильное относительно термофильное разнотравье и крупные злаки, с учетом их систематической самобытности, позволяет предположить автохтонность развития в третичное время на востоке Азии высокотравных прерий в комплексе с дубовыми лесами.

Дубняки в своем составе содержат разнотравье, экологически сходное с разнотравьем суходольных лугов и светлых лесов (*Asperula platygalium*, *Adenophora pereskiiifolia*, *Vincetoxicum acuminatum*, *Artemisia stolonifera*, *A. keiskeana*, *Lysimachia clethroides*, *Atractylodes ovata*).

По представлениям И. М. Крашенинникова [1946], *Artemisia stolonifera* и *A. keiskeana* принадлежат к различным сериям наименее специализированного в роде *Artemisia* цикла *Vulgares* и как представители древней умеренно-лесной флоры Восточной Азии могут быть признаны за мало переработанные архаичные типы полыней. Хотя в новой обработке рода *Artemisia* для «Флоры СССР» [1958] П. П. Поляков в корне пересматривает внутривидовую систему, данные виды им выделяются в особые ряды, объединяющие дальневосточные растения.

Характерным растением дубняков является *Atractylodes ovata* — один из немногих (двух-трех) представителей восточноазиатского рода. *Vincetoxicum acuminatum* и *Lysimachia clethroides* — также хорошо обособленные японско-маньчжурские дубравные растения.

Более узкий ареал имеет эндемичная для Приморья и Корейского полуострова *Asperula platygalium* — обычное растение горных дубняков Сихотэ-Алиня. Во «Флоре СССР» [1953] в ряд *Paniculatae* Pobed. включены также родственные виды лугов, кустарниковых зарослей и горных степей умеренного пояса Ев-

разии, представляющие, очевидно, более молодые специализированные формы. Следует отметить, что разрыв ареалов родственных дальневосточных и европейско-сибирских растений произошел, по-видимому, в доплейстоценовое время, так как географически ближайший алтайско-джунгарский горностепной вид (*Asperula paniculata*) обособлен не только экологически и географически, но также и морфологически от дальневосточных родственных видов ясенников и не может быть поставлен в прямое родство с ними.

Анализ ареалов и систематического положения ряда представителей дубравного разнотравья свидетельствует о том, что дубравный ценоэлемент обособился экологически и ценологически на востоке Азии в третичный период. Кроме того, экологические особенности собственно разнотравных дубравных видов указывают на древность их позиций в горных дубовых лесах.

Обогащение флоры дубняков типичными луговыми растениями и представителями сибирских лесных формаций произошло, по-видимому, в относительно позднее время, так как в большинстве случаев мы встречаемся здесь с неизменными растениями сибирских лесостепей и травяных лесов.

Выводы

1. Флору дубняков Южного Сихотэ-Алиня составляют 350 видов, 70% которых имеет маньчжурский тип ареала. Многие маньчжурские растения распространены также в сопредельных районах юга Восточной Сибири и севера Центральной Азии, а также в Японии.

2. В широком смысле бореальные растения являются важным элементом флоры дубняков, составляя 25% общего числа видов.

3. Флора широкоотравных дубняков отличается богатством неморальных элементов; данная группа ассоциаций возникла на месте коренных хвойно-широколиственных или широколиственно-хвойных лесов.

4. В осочково-разнотравных и леспедецевых дубняках наиболее полно представлены дубравные элементы флоры, причем в первой группе ассоциаций многие дубравные виды оптимально развиваются и имеют высокую степень постоянства.

5. По эколого-морфологическим признакам растения дубравных ценоэлементов можно разделить на три основные группы: широкоотравье, разнотравье и высокое ксеромезофильное разнотравье. Широкоотравье вместе с дубом монгольским и лещиной разнолистной указывают на генетическую связь дубравной флоры с неморальным комплексом. Разнотравье представляет собой автохтонное флористическое ядро горных дубняков Восточной Азии. Высокое разнотравье свидетельствует о флорогенетическом родстве дубняков с древним восточноазиатским лесо-

степным комплексом, травяные сообщества которого эколого-физиономически могут быть сопоставлены с высокотравной прерией.

6. Относительно молодыми элементами во флоре дубняков являются бореальные лесные и луговые растения, проникавшие в Сихотэ-Алинь из Сибири и с севера Дальнего Востока в течение антропогена. Лишь немногие из них приобрели в условиях маньчжурской флористической области видовую самостоятельность.

ГЕОЭЛЕМЕНТЫ
СОСУДИСТЫХ РАСТЕНИЙ ДУБНЯКОВ
ЮЖНОГО СИХОТЭ-АЛИНЯ

Плюрирегиональный тип

1. Плюрирегиональный геоэлемент: *Lappula myosotis* Moench, *Pteridium aquilinum* (L.) Kuhn.

Голарктический тип

2. Голарктический геоэлемент: *Hieracium umbellatum* L., *Erigeron acer* L., *Matteuccia struthiopteris* (L.) Tod., *Thelypteris palustris* Schott, *Milium effusum* L., *Sanguisorba officinalis* L., *Chelidonium majus* L., *Gymnocarpium robertianum* (Hoffm.) Newm., *Cypripedium calceolus* L., *Athyrium filix-femina* (L.) Roth., *Equisetum sylvaticum* L., *E. pratense* Ehrh.

Бореальный тип

3. Восточноевропейско-азиатско-американский бореальный геоэлемент: *Festuca supina* Schur, *Moehringia lateriflora* (L.) Fenzl, *Rosa acicularis* Lindl., *Cypripedium guttatum* Sw., *Stellaria diffusa* Willd. ex Schlecht.

4. Восточноазиатско-панбореальный геоэлемент: *Trientalis europaea* L., *Spiraea salicifolia* L., *Rhodococcum vitis-idaea* (L.) Avror.

5. Гималайско-панбореальный геоэлемент — *Oxalis acetosella* L.

6. Среднеазиатско-панбореальный геоэлемент: *Lactuca sibirica* (L.) Benth. ex Maxim., *Trisetum sibiricum* Rupr., *Calamagrostis purpurea* (Trin.) Trin.

7. Кавказско-панбореальный геоэлемент — *Viola selkirkii* Pursch. ex Goldie.

8. Кавказско-среднеазиатско-панбореальный геоэлемент — *Luzula pallescens* Sw.

9. Кавказско-среднеазиатско-палеобореальный геоэлемент — *Galium boreale* L.

10. Средиземно-панбореальный геоэлемент — *Orthilia secunda* (L.) House.

11. Южноевропейско-среднеазиатско-панбореальный геоэлемент: *Chamaenerion angustifolium* (L.) Scop., *Galium verum* L., *Vicia cracca* L.

Дизъюнктивный тип

12. Алтайско-маньчжурский дизъюнктивный геоэлемент — *Anemone umbrosa* C. A. Mey.

13. Южносибирско-маньчжурский дизъюнктивный геоэлемент — *Schizachne callosa* (Turcz.) Roshv.

14. Кавказско-южносибирско-японско-китайский дизъюнктивный геоэлемент — *Osmorhiza aristata* (Thunb.) Makino et Yabe.

15. Среднеазиатско-алтайско-восточноазиатский дизъюнктивный геоэлемент — *Polypodium ussuriense* (Regel et Maack) Regel.

16. Североамериканско-дальневосточно-южносибирско-европейский дизъюнктивный геоэлемент — *Asperula odorata* L.

Евразийский тип

17. Евразийский геоэлемент: *Circaea alpina* L., *Melica nutans* L., *Equisetum hyemale* L., *Viola collina* Bess., *Hieracium virosum* Pall., *Serratula coronata* L., *Dianthus superbus* L., *Luzula multiflora* (Retz.) Lej., *Allium senescens* L., *A. strictum* Schrad., *Prunella vulgaris* L., *Impatiens noli-tangere* L.

18. Восточноевропейско-азиатский геоэлемент: *Anthriscus sylvestris* (L.) Hoffm., *Silene repens* Patrin.

19. Дальневосточно-южноазиатско-европейский геоэлемент — *Torilis japonica* (Houtt.) DC.

Сибирский тип

20. Маньчжурско-южносибирский геоземлет: *Stellaria bungeana* Fenzl, *Cerastium pauciflora* Stev. ex Ser., *Sambucus sibirica* Nakai, *Carex arnellii* Christ ex Scheutz, *Anemone reflexa* Steph.

21. Дальневосточно-евросибирский геоземлет: *Maianthemum bifolium* (L.) F. W. Schmidt, *Polygonatum odoratum* (Mill.) Druce, *Caecalia hastata* L.

22. Гималайско-дальневосточно-южносибирский геоземлет — *Lathyrus humilis* (Ser.) Spreng.

23. Среднеазиатско-восточноевропейско-сибирский геоземлет — *Trifolium lupinaster* L.

Дальневосточный тип

24. Дальневосточный геоземлет: *Populus davidiana* Dobe, *Dendranthema pallasianum* (Fisch. ex Bess.) Worosch., *Pleurospermum camtschaticum* Hoffm., *Picea ajanensis* Fisch. ex Carr., *Sanguisorba parviflora* (Maxim.) Takeda, *Anemone amurensis* (Korsh.) Kom., *Paris hexaphylla* Cham., *Lloydia triflora* (Ledeb.) Baker, *Elymus pendulinus* (Nevski) Tzvel., *Carex longirostrata* C. A. M., *Lamium barbatum* Sieb. et Zucc., *Epipactis papillosa* Franch. et Savat., *Ron ochotensis* Trin.

25. Даурско-дальневосточный геоземлет: *Carex amurensis* Kük., *Lilium pensylvanicum* Ker-Gawl., *Cimicifuga simplex* Wormsk., *Spiraea sericea* Turcz.

26. Восточносибирско-дальневосточный геоземлет: *Festuca pseudosulcata* Drob., *Viola sachalinensis* De Boiss., *Filipendula palmata* (Pall.) Maxim., *Lonicera edulis* Turcz. ex Freyn, *Carex falcata* Turcz., *Spiraea betulifolia* Pall., *Carex vanheurckii* Muell., *C. pallida* C. A. Mey., *Thalictrum contortum* L.

27. Южносибирско-дальневосточный геоземлет: *Cypripedium macranthum* Sw., *Vicia amoena* Fisch., *V. unijuga* A. Br.

28. Сибирско-дальневосточный геоземлет: *Sedum aizoon* L., *Sorbaria sorbifolia* (L.) A. Br.

29. Среднеазиатско-сибирско-дальневосточный геоземлет — *Aegopodium alpestre* Ledeb.

30. Североамериканско-сибирско-дальневосточный геоземлет — *Diplazium sibiricum* (Turcz. ex G. Kunze) Kurata.

31. Среднеазиатско-южнодальневосточный геоземлет — *Muhlenbergia hu-egellii* Trin.

32. Монгольско-восточноазиатский геоземлет — *Paraixeris denticulata* (Houtt.) Nakai.

33. Североамериканско-дальневосточный геоземлет: *Maianthemum dilatatum* (Howell.) Nels. et Macbr., *Clematis fusca* Turcz., *Galium kamtschaticum* Steller ex Schult., *Adiantum pedatum* L., *Osmunda cinnamomea* L., *Polypodium virginianum* L.

Маньчжурский тип

34. Маньчжурский геоземлет: *Quercus mongolica* Fisch. ex Ledeb., *Atractylodes ovata* (Thunb.) DC., *Geranium maximoviczii* Regel et Maack, *Euonymus sacrosanctus* Koidz., *Acanthopanax sessiliflorum* (Rupr. et Maxim.) Seem., *Viburnum burejaeticum* Regel et Herd., *Crataegus pinnatifida* Bunge, *Rubus crataegifolius* Bunge, *Aster trinervius* D. Don, *Acer ginnala* Maxim., *A. mono-* *shurica* (Regel) Nakai, *Tilia amurensis* Rupr., *T. mandshurica* Rupr., *T. taquetii* Schneid., *Deutzia amurensis* (Regel) Airy Shaw, *Lilium distichum* Nakai, *Smilacina hirta* Maxim., *Artemisia sylvatica* Maxim., *Rubia chinensis* Regel et Maack, *Angelica maximoviczii* (Fr. Schmidt.) Benth. ex Maxim., *Philadelphus tenuiflorus* Rupr. et Maxim., *Spiraea ussuriensis* Pojark., *Scutellaria ussuriensis* (Regel) Kudo, *Pseudostellaria sylvatica* (Maxim.) Pax, *Lonicera maximoviczii* (Rupr.) Regel, *Ribes mandshuricum* (Maxim.) Kom., *R. maximoviczianum* Kom., *Euonymus pauciflorus* Maxim., *Corylus mandshurica* Maxim., *Dryopteris buschiana* Fomin, *Vitis amurensis* Rupr., *Syneilesis aconitifolia* (Bunge) Maxim., *Silene macrostyla* Maxim., *Larix lubarskii* Sukacz., *Poa pseudonemoralis* Skvorts.

35. Корейско-южноманьчжурский геоземлет: *Athyrium subspinulosum* (Christ) Ching, *Abies holophylla* Maxim., *Pedicularis mandshurica* Maxim., *Paeonia vernalis* Mandl., *Fraxinus rhynchophylla* Hance, *Pinus densiflora* Sieb. et Zucc., *Carex quadriflora* (Kük.) Ohwi, *Acer pseudosieboldianum* (Pax) Kom., *Malus mandshurica* (Maxim.) Kom., *Acer mandshuricum* Maxim., *Prenanthes tatarinowii* Maxim., *Saussurea subtriangulata* Kom., *Desmodium oxyphyllum* DC., *Rubus komarovii* Nakai ex Juz., *Syringa wolfii* Schneid., *Acer barbinerve* Maxim., *Asperula maximoviczii* Kom.

36. Японско-корейско-южноманьчжурский геоземлет: *Asarum sieboldii* Mig., *Carpinus cordata* Blume, *Chimaphila japonica* Mig., *Quercus dentata* Thunb., *Epimedium grandiflorum* Morr., *Lonicera praeflorens* Batal., *Arisaema japonicum* Blume, *Juniperus rigida* Sieb., *Sedum viviparum* Maxim., *Ligularia splendens* (Levl. et Vant) Maxim., *Carpesium triste* Maxim., *Kalopanax septemlobum* (Thunb.) Koidz., *Actinidia arguta* (Sieb. et Zucc.) Planch. ex Mig., *Polystichum tripterum* (G. Kunze) C. Presl, *Micromeles alnifolia* (Sieb. et Zucc.) Koehne, *Allium monanthum* Maxim., *Polygonatum involucreatum* (Franch. et Savat) Maxim., *Lysimachia clethroides* Duby, *Rhododendron mucronulatum* Turcz., *Rh. schlippenbachii* Maxim., *Thalictrum tuberiferum* Maxim.

37. Японско-маньчжурский геоземлет: *Melampyrum roseum* Maxim., *Artemisia keiskeana* Mig., *Lathyrus davidii* Hance, *Aconitum kirinense* Nakai, *Vincetoxicum acuminatum* Decne., *Solidago decurrens* Lour., *Plectranthus glaucocalyx* Maxim., *Artemisia stolonifera* (Maxim.) Kom., *Doellingeria scabra* (Thunb.) Ness, *Berberis amurensis* Rupr., *Neottia papilligera* Schlechter, *Liparis japonica* (Miq.) Maxim., *Dioscorea nipponica* Makino, *Disporum smilacinum* A. Gray, *Shibateranthus stellata* (Maxim.) Nakai, *Adonis amurensis* Regel, *Ranunculus japonicus* Thunb., *Sanicula rubriflora* Fr. Schmidt ex Maxim., *Codonopsis lanceolata* (Sieb. et Zucc.) Benth. et Hook., *Angelica amurensis* Schischk., *Actinidia kolomikta* (Maxim.) Maxim., *Plectranthus excisus* Maxim., *Lactuca triangulata* Maxim., *Pyrola renifolia* Maxim., *Maackia amurensis* Rupr. et Maxim., *Trollius chinensis* Bunge, *Chelidonium vernale* (Maxim.) Ohwi, *Schisandra chinensis* (Turcz.) Baill., *Aralia mandshurica* Rupr. et Maxim., *Lonicera gibbiflora* (Rupr.) Dipp., *Chloranthus japonicus* Sieb., *Carex siderosticta* Hance, *Euonymus macroptera* Rupr., *Cerasus maximowiczii* (Rupr.) Rom., *Ulmus laciniata* (Trautv.) Mayr, *Diarrhena mandshurica* Maxim., *Eleutherococcus senticosus* (Rupr. et Maxim.) Maxim., *Pinus koraiensis* Sieb. et Zucc., *Athyrium spinulosum* (Maxim.) Milde, *Filipenrula koreana* (Nakai) Nakai, *Ligustrina amurensis* Rupr., *Circaea quadrisulcata* (Maxim.) Franch. et Sav., *Arisaema amurense* Maxim., *Fraxinus mandshurica* Rupr., *Falcata japonica* (Oliv.) Kom., *Veratrum nigrum* L., *Anemone litoralis* (Litv.) Juz., *Lactuca raddeana* Maxim., *Eupatorium lindleyanum* DC., *Polygonum pacificum* V. Petrov ex Kom., *Melandrium firmum* (Sieb. et Zucc.) Rohrb., *Clematis mandshurica* Rupr., *Bupleurum komarovianum* Lincz., *Peucedanum deltoideum* Makino ex Yabe, *Convallaria keiskei* Miq.

38. Охотско-маньчжурский геоземлет: *Athyrium rubripes* (Kom.) Kom., *Caecalia auriculata* DC., *Cirsium schantarense* Trautv. et Mey., *Trigonotis koreana* Nakai, *Carex campylorhina* Krecz., *Abies nephrolepis* (Trautv.) Maxim., *Anemone udensis* Trautv. et Mey., *Hemerocallis middendorffii* Trautv. et Mey.

39. Охотско-японско-маньчжурский геоземлет: *Euphrasia maximowiczii* Wettst., *Acer ukurunduense* Trautv. et Mey.

40. Даурско-маньчжурский геоземлет: *Dictamnus dasycarpus* Turcz., *Corydalis remota* Fisch. ex Maxim., *Rubia cordifolia* L., *Iris uniflora* Pall. ex Link., *Fritillaria maximowiczii* Freyn, *Thalictrum baicalense* Turcz. ex Ledeb., *Carex subbracteata* (Kük.) Ohwi, *Aruncus americanus* (Michx.) Raf., *Ajuga multiflora* Bunge, *Rosa davurica* Pall., *Lathyrus komarovii* Ohwi, *Carex komarovii* Koidz., *Smilacina dahurica* Turcz. ex Ledeb., *Crataegus maximowiczii* Schneid., *Lilium buschianum* Lodd., *Fragaria orientalis* Losinsk., *Geranium wlassovianum* Fisch. ex Link., *G. dahuricum* DC., *Saussurea amurensis* Turcz., *Gentiana triflora* Pall., *Veronica sibirica* L., *Securinega suffruticosa* (Pall.) Rhed., *Vicia japonica* A. Gray, *Corylus heterophylla* Fisch. ex Trautv.

41. Даурско-японско-маньчжурский геоземлет: *Betula davurica* Pall., *Campanula punctata* Lam., *Spodiopodon sibiricus* Trin., *Platycodon grandiflorus* (Jacq.) DC., *Patrinia scabiosifolia* Fisch. ex Link., *Calamagrostis brachyticha* Steud., *Cimicifuga dahurica* (Turcz. ex Fisch. et Mey.) Maxim., *Lysimachia davurica* Ledeb., *Carex nanella* Ohwi, *Cardamine leucantha* (Tausch) O. E. Schulz, *Viola brachysepala* Maxim., *Synurus deltoides* (Ait.) Nakai, *Adenophora pereskiifolia* (Fisch. ex Roem. et Schult.) G. Don, *Vicia venosa* (Willd. ex Link.) Maxim., *Ulmus propinqua* Koidz., *Adenophora tetraphylla* (Thunb.) Fisch., *Campanula cephalotes* Nakai, *Bupleurum longiradiatum* Turcz., *Viola acuminata* Ledeb., *Rhamnus davurica* Pall., *Viburnum sargentii* Koehne, *Galium dahuricum* Turcz. ex Ledeb., *Angelica dahurica* (Fisch.) Benth. et Hook., *Aster tataricus* L., *Pseudolysimachion dahurica* (Stev.) Holub, *Angelica czernaëvia* (Fisch. et Mey.) Kitag., *Paeonia lactiflora* Pall., *Asparagus schoberioides* Kunth., *Limnorchis hologlottis* (Maxim.) Nevskii, *Vicia pseudorobus* Fisch. et Mey., *Saussurea pulchella* (Fisch.) DC., *Lychnis fulgens* Fisch., *Lactuca squarrosa* (Thunb.) Miq., *Orostachys malacophylla* (Pall.) Fisch., *Menispermum dauricum* DC., *Thesium chinense* Turcz., *Lilium pumilum* Delile, *Achnatherum effusum* (Maxim.) Chang, *Leibnitzia anandria* (L.) Turcz., *Veratrum ussuriense* (Loes. f.) Nakai, *Lespedeza bicolor* Turcz., *Lycopus lucidus* Turcz. ex Benth., *Waldsteinia ternata* (Steph.) Fritsch.
42. Североамериканско-японско-маньчжурский геоземлет: *Phryma leptostachya* L., *Onoclea sensibilis* L., *Athyrium rupestris* Christ.
43. Центральноеазиатско-японско-маньчжурский геоземлет: *Astilbe chinensis* (Maxim.) Franch. et Sav., *Adenocaulon adhaerescens* Maxim., *Carex lanceolata* Boott.
44. Сибирско-маньчжурский геоземлет: *Carex reventata* V. Krecz., *Euphorbia discolor* Ledeb., *Potentilla fragarioides* L., *Artemisia gmelinii* Web. ex Stechm., *Polemonium racemosum* (Regel) Kitam., *Tulotis fuscescens* (L.) Czer., *Polygonatum humile* Fisch. ex Maxim.
45. Гималайско-японско-маньчжурский геоземлет: *Actaea acuminata* Wall. ex Royle., *Circaea cordata* Royle.
46. Уссурийский геоземлет: *Asperula platygalium* Maxim., *Euphorbia komaroviana* Prokh., *E. savaryi* Kiss, *Aconitum axilliflorum* Worosch., *Viola austro-ussuriensis* (W. Beck.) Kom., *V. orientalis* (Maxim.) Becker, *Dianthus amurensis* Jacques, *Rosa gracilipes* Chrshan., *Polygonatum acuminatifolium* Kom., *Dryopteris wladivostokensis* (B. Fedisch.) Fomin.
47. Амурско-уссурийский геоземлет: *Adenophora subblata* Kom., *Carex ussuriensis* Kom., *C. xuphium* Kom., *C. hypochlora* Freyn, *Caragana ussuriensis* (Regel) Pojark., *Euphorbia lucorum* Rupr. ex Maxim., *Thalictrum filamentosum* Maxim., *Jeffersonia dubia* (Maxim.) Benth. et Hook., *Gypsophila pacifica* Kom.
48. Японско-курильско-уссурийский геоземлет: *Platanthera bifolia* (L.) Rich., *Paeonia japonica* (Makino) Miyabe et Takeda.

ЛИТЕРАТУРА

- Александрова В. Д. Классификация растительности. Л.: Наука, 1969. 275 с.
- Васильев В. Н. Растительный покров Малого Хингана. — Тр. ДВФ СО АН СССР. Сер. бот., 1937, т. 2, с. 103—272.
- Ворошилов В. Н. Флора советского Дальнего Востока. М.: Наука, 1966. 478 с.
- Горовой П. Г. Зонтичные Приморья и Приамурья. М.; Л.: Наука, 1966. 295 с.
- Грубов В. И. Растения Центральной Азии. Л.: Изд-во АН СССР, 1963, вып. 1. 168 с.
- Дылис Н. В., Виппер П. Б. Леса западного склона среднего Сихотэ-Алиня. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 330 с.
- Егорова Т. В. Растения Центральной Азии. Вып. 3. Л.: Наука, 1967. 120 с.
- Жудова П. П. Растительность и флора Судзунского государственного

заповедника Приморского края. — Тр. Сихотэ-Алинского гос. заповедника. Владивосток, 1967, вып. 4, с. 3—245.

Ильинская С. А., Брысова Л. П. Леса Зейского Приамурья. М.: Наука, 1965. 210 с.

Клеопов Ю. Д. Основные черты развития флоры широколиственных лесов Европейской части СССР. — В кн.: Материалы по истории флоры и растительности СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941, вып. 1, с. 183—256.

Комаров В. Л. Ботанико-географические области бассейна Амура. — Избр. соч. Т. 9. М.: Изд-во АН СССР, 1953а, с. 515—525.

Комаров В. Л. Приморская область. Южно-Уссурийский край. — Там же, 1953б, с. 527—544.

Комаров В. Л. Типы растительности Южно-Уссурийского края. — Там же, 1953в, с. 545—738.

Комаров В. Л., Клобукова-Алисова Е. Н. Определитель растений Дальневосточного края: В 2-х т. Л.: Изд-во АН СССР, 1931—1932. 1175 с.

Коржинский С. И. Отчет об исследовании Амурской области как земледельческой колонии. — Изв. Вост.-Сиб. отд-ния РГО, 1892, т. 23, вып. 4—5, с. 73—138.

Крашенинников И. М. Анализ реликтовой флоры Южного Урала в связи с историей растительности и палеогеографией плейстоцена. — Сов. ботаника, 1937, вып. 4, с. 16—45.

Крашенинников И. М. Основные пути развития растительности Южного Урала в связи с палеогеографией Северной Евразии в плейстоцене и голоцене. — Там же, 1939, вып. 6—7, с. 67—99.

Крашенинников И. М. Опыт филогенетического анализа некоторых евразийских групп рода *Artemisia* L. в связи с особенностями палеогеографии Евразии. — В кн.: Материалы по истории флоры и растительности СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946, вып. 2, с. 87—196.

Крылов А. Г., Речан С. П. Типы кедровых и лиственничных лесов Горного Алтая. М.: Наука, 1967. 223 с.

Куренцова Г. Э. Монгольский дуб и его участие в фитоценозах бассейна реки Сугутинки. — Тр. Горнотаежн. ст. ДВФ СО АН СССР, 1939, т. 3, с. 65—106.

Куренцова Г. Э. К происхождению растительности Приханкайской равнины Приморского края. — Бот. ж., 1955, т. 40, вып. 2, с. 178—188.

Куренцова Г. Э. Естественные и антропогенные смены растительности Приморья и Южного Приамурья. Новосибирск: Наука, 1973. 230 с.

Лавренко Е. М. Ботанико-географические наблюдения в степях Барги и Северо-Восточной Китайской равнины. — В кн.: Теоретические проблемы фитоценологии и биогеоценологии. М.: Наука, 1970, с. 74—94.

Ливеровский Ю. А., Колесников Б. П. Природа южной половины советского Дальнего Востока. М.: Географгиз, 1949. 382 с.

Линчевский И. А. Род володушка. — В кн.: Флора СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950, т. 16, с. 275—349.

Нешатаев Ю. Н., Плавников В. Г. Фитоценологический, флорогенетический, биологический, экологический анализ видового состава сосудистых растений среднеурусских дубрав. — Бот. ж., 1974, т. 59, вып. 3, с. 332—341.

Определитель растений Приморья и Приамурья/ Д. П. Воробьев, П. Г. Горовой, В. Н. Ворошилов, А. И. Шретер. Л.: Наука, 1966. 491 с.

Попов Н. А. Место дубняков в сложении растительного покрова Южного Приморья. — В кн.: Материалы II научной конференции молодых специалистов. Владивосток: ДВФ СО АН СССР, 1961, вып. 1, с. 25—30.

Сергиевская Л. П. Флора Забайкалья. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1966, т. 1. 94 с.; 1969, т. 2. 148 с.

Смагин В. Н. Дубовые леса Приморья и пути их хозяйственного освоения. — В кн.: Вопросы развития лесного хозяйства и лесной промышленности Дальнего Востока. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955, с. 133—162.

Сочава В. Б. Элементы растительного покрова Северного Сихотэ-Алиня и их взаимоотношения. — Сов. ботаника, 1945, т. 13, вып. 1, с. 14—32.

Сукачев В. Н. Руководство к исследованию типов лесов. М.; Л.: Сельхозгиз, 1931. 328 с.

Флора Западной Сибири: В 12-ти т. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1927—1964.

Флора СССР: В 30-ти т. Л.: Изд-во АН СССР, 1933—1960.

Цвелев Н. Н. Растения Центральной Азии. Вып. 4. Л.: Наука, 1968. 247 с.

Ярошенко П. Д. О сходстве разнотравно-арундиnellовых сообществ Приханкайской равнины с некоторыми типами прерий. — Сообщ. ДВФ СО АН СССР, 1955, вып. 8, с. 41—43.

Braun-Blanquet J. Pflanzensoziologie. Berlin, 1928. 330 S.

Nakai T. A synoptical sketch of Korean Flora. — Bull. Nat. Sci. Mus. Tokyo, 1952, vol. 31, p. 1—152.